

К. В. Злоказов, Е. А. Рыбьякова, Р. И. Степанов
Екатеринбург, Россия

АНОНИМНАЯ УГРОЗА И ПЛАН ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АВТОРА

АННОТАЦИЯ. В статье обсуждается организация, ход и результаты экспериментального психолингвистического исследования анонимной угрозы. Анализируются перспективы применения психологических инструментов для оценки и прогнозирования реализации социально опасных действий автором угрозы. Описываются современные представления о лингвистических и социально-поведенческих критериях реализации угрозы. Формулируется авторский подход к эмпирическому исследованию, базирующийся на отечественной теории деятельности (А. Н. Леонтьев), саморегуляции деятельности (О. А. Конопкин), теории речевой деятельности (А. А. Леонтьев). С этой позиции анонимная угроза условно представляется в двух планах: вербальном (текст) и ментальном (образ деятельности). Ставится вопрос об отношениях между вербальными и ментальными составляющими угрозы как предикторе риска ее воплощения.

Данный вопрос через призму трех гипотез изучается в спланированной экспериментальной ситуации. Ее участнику ставилась задача сформулировать угрозу в отношении другого человека в виде анонимной записки. Анонимная записка подвергалась контент-анализу. Единицы контент-анализа были лингвистическими (лексические и грамматические), а также ментальными (образ угрозы, план реализации угрожающих действий). Помимо контент-анализа, с испытуемым проводилось интервью по плану действий, реализующих угрозу, а также оценивался образ жертвы. Данные контент-анализа, интервью и психосемантической оценки образа жертвы были подвергнуты математико-статистической обработке методом дисперсионного и корреляционного анализа. В результате гипотеза о соотношении вербальной и ментальной репрезентации угрозы получила частичную эмпирическую поддержку, гипотеза о влиянии образа автора в тексте на репрезентацию угрозы не подтвердилась.

Выводы работы показывают, что лингвистические параметры вербального воплощения угрозы соотносятся с ее ментальным образом в ряде характеристик. Об этом в тексте анонимной записки свидетельствуют акцентирование разрушительных действий автором, конкретизация цели действий, употребление местоимений, обобщающих автора и жертву. Грамматическими индикаторами являются вероятностная лексика, изъявительное наклонение глаголов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: анонимное письмо; угроза; психология автора; образ жертвы; ментальный образ; вербальный образ; лексико-грамматические признаки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620032, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 325; e-mail: zkrivit@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рыбьякова Екатерина Алексеевна, курсант факультета подготовки следователей, Уральский юридический институт МВД России; адрес: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: kattya.rybyakova@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Степанов Роман Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии служебной деятельности и педагогики, Уральский юридический институт МВД России; 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: ramanist89@mail.ru.

Введение. Распространение анонимных текстов с угрозами актуализирует внимание к этому психолингвистическому явлению. Обращение к отечественным и зарубежным исследованиям позволяет очертить круг вопросов, нуждающихся в разрешении. Обобщенно их можно представить следующим образом: а) является ли анонимное сообщение угрозой; б) можно ли предсказать риск воплощения угрозы; в) можно ли установить автора анонимной угрозы, опираясь на ее текст? Анализ академических работ показывает, что исследование текстов с угрозами под углом лингвистических теорий не дает на эти вопросы однозначного ответа.

Применение психологических инструментов познания может помочь при изучении текстов с угрозами, автор которых неизвестен. Поскольку современные подходы базируются на методологии лингвистической науки, дополненной статистическим анализом текстов, психологические методы открывают возможность исследования личности автора. Что, думается, повысит надежность прогнозирования воплощения угроз.

В данной статье с помощью экспериментально-психологических методов исследуются связи между автором и текстом анонимной угрозы. Структурно работа состоит из нескольких частей: теоретическая часть включает социальные и лингвистические характеристики анонимной угрозы, черт автора и завершается изложением теоретических основ и гипотез экспериментального исследования. Методическая часть содержит описание экспериментального исследования: выборки, методов и показателей. Интерпретационная часть завершает работу и представляет результаты экспериментального исследования.

Анонимная угроза, ее влияние и лексико-грамматические признаки. Угрозы распространены в межличностном взаимодействии людей. В явной или скрытой форме они встречаются в общении детей и взрослых, во многих социальных сферах: образовании, производстве, политике и других. Угрозы выполняют несколько функций: сообщение информации об опасности (предупредить), обещание выполнить какие-либо

действия (обещание), оказание воздействия на поведение (манипуляция) [Shuy 1993]. У каждого из этих видов угроз различаются последствия. Предупреждение об опасности полезно для слушателя и не приводит к потере им контроля над своим поведением. Обещание, как и предупреждение, позволяет слушателю подготовиться к наступлению событий и управлять своим поведением. Манипулятивная разновидность угрозы несет негативные последствия, поскольку она нацелена на выгоду говорящего и передает ему контроль над поведением слушающего. При этом последствия угрозы, варьируются в зависимости от восприятия ее слушающим как таковой, а не шутки или розыгрыша [Storey 1995].

Влияние анонимной угрозы прослеживается в психологическом и социально-поведенческом контекстах последствий. Психологические последствия анонимной угрозы чаще связываются с эмоциональной сферой: возникновением у адресата тревоги, страха, депрессивных состояний [Dietz, Matthews et al. 1991b], хотя исследователи сообщают и о когнитивных эффектах: растерянности, фокусировки на определенных мыслях [Melo, Hoffmann, Roshidi, Glaz-Ocik, Guldemann 2013]. Социально-поведенческими последствиями угрозы становится изменение отношений между собеседниками: происходит установление власти говорящим над слушающим [Borum, Fein, Vossekuil, Berglund 1999], адресат действует или бездействует по указанию говорящего.

Для описания анонимной угрозы используется лингвистический и грамматический анализ [Fraser 1998]. Лексика угрозы включает агрессивные, манипулятивные, насильственные и пейоративные оттенки [Gale 2010]. В качестве грамматических маркеров угрозы называются изъявительное и побудительное наклонение глаголов, а также наречия, иллюстрирующие динамику агрессивно-деструктивного воздействия (*быстро, легко, просто*) [Злоказов, Софронова 2016]. Содержательно угроза может включать описание последовательности действий автора, последствия его действий для жертвы, описания поведения жертвы [Dietz, Matthews et al. 1991a]. Обращения к жертве конкретизируются местоимениями (*ты, он*) и дополняются описанием требуемого поведения в глаголах (*слушать, сделаешь*).

Автор анонимной угрозы. Определение реалистичности угрозы — ключевая задача предупреждения чрезвычайных происшествий, преступлений и насилия. Сообщение о планируемом террористическом акте, захвате заложников и пр. высокоспе-

цифично. Как правило, оно отражает особенности ситуации и личности автора, его установок и психоэмоционального состояния. Способность все это установить и измерить позволяет оценивать, во-первых, реальность факта угрозы, а во-вторых, вероятность ее осуществления. Ключевыми обстоятельствами социального поведения авторов анонимных угроз являются опыт насилия в прошлом, употребление психоактивных веществ, неполное образование, слабая степень психических отклонений, враждебно-отчужденный стиль жизни [Wargen, Ogloff, Mullen 2013]. Помимо этого, выделяется ряд специфических особенностей, характерных для различных видов насилия — длительность и детальность подготовки. О ней свидетельствуют «утечки» информации близким родственникам, друзьям, коллегам а также высказывания о полезности совершения таких действий. Так, например, подростки, совершившие массовые убийства в школах, ранее обсуждали его детали с друзьями, а также угрожали своим учителям и классным руководителям [O'Toole 2000]. Детальность подготовки проявляется в приобретении огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, обучении обращению с ними, изучении расположения объекта нападения [Gollwitzer, Sheeran 2006]. В целом проблема идентификации автора анонимной угрозы в психологической науке расширяется до оценки риска насильственного и суицидального поведения. В настоящее время разработаны социально-психологические и криминологические модели измерения готовности человека к совершению террористических актов, убийств и сексуального насилия. Однако они выполнены преимущественно на основе статистического анализа уже реализованных угроз.

Представления автора анонимной угрозы. Представления и образы человека, ведущего анонимную переписку со своей жертвой, — сложная и недостаточно изученная область. В настоящее время она сопряжена с криминальным контекстом — исследованием, угрозами убийств, террористическими актами. Недостаток подобного подхода видится в ex-post-facto дизайне. В нем исследователю сложно вмешаться или контролировать процесс репрезентации угрозы, вербализации планов. Конечно, применяемый инструментарий позволил добиться важных результатов. Так, статистически определен ряд лингвистических, грамматических индикаторов, позволяющих судить о готовности человека перейти от слов к действию. К примеру, к наиболее обоснованным предикторам реалистичности

угрозы в тексте относятся к применению автором условных и вероятностных конструкций; низкая реалистичность угрожающих действий, несоответствие действий причинам угрозы; преобладание описания мотивов собственных действий («Почему угроза?») над операционализацией угрозы («Как воплощать?») [Sooniste, Granhag, Strömwall, Vrij 2014]. Наряду с этими признаками, исследователи отмечают неоднозначность отношений между угрозой и ее воплощением, объясняя это переменными, влияющими на стремление автора исполнить свой замысел: ситуативными обстоятельствами, изменениями образа мыслей насильника, поведения жертвы. Однако, стремясь усилить надежность и валидность прогноза, исследователи обращаются к инструментам измерения поведения. Успешно используются приемы изучения свойств лиц, склонных к подобным действиям, оценки их психической состоятельности [Logan, Johnstone 2010]. Направлением дальнейшего исследования, на наш взгляд может стать обращение к методологии когнитивной и деятельности психологии. Это позволит увязать ментальные образы цели, восприятие жертвы с вербальными репрезентациями в тексте, дополнить данные статистического анализа лиц, прибегающих к угрозам, новым, качественным измерением.

В свете сказанного усилия авторов статьи направлены на прояснение представлений о восприятии автором угрозы вербальных и невербальных действий. Теоретическим фундаментом нашей работы являются положения теории деятельности А. Н. Леонтьева, теории самоуправления О. А. Конопкиной [Конопкин 1995], теории речевой деятельности А. А. Леонтьева.

Принимая во внимание представление о цели деятельности как образе предвосхищаемого результата, отметим, что ее детализация тесно связана с результатом деятельности. Детальность образа цели конструирует деятельность, влияет на планирование процесса, выбора средств достижения, поиска ресурсов и пр. Конкретизация цели — ключевой этап организации деятельности. Применительно к угрозе цель деятельности можно представить в двух формах — вербальной и невербальной. При этом вербальная угроза опережает невербальную по времени возникновения, поэтому можно предположить, что на этапе вербализации автором конструируется образ результата и, вероятно, план действий по его реализации. Следовательно, обращение к жертве закрепляет образ результата, конечно при условии, что автор намерен его воплотить в

жизнь. В ином случае угроза представляется нам несостоятельной и нацелена на манипулирование поведением жертвы.

Таким образом, установление отношений между вербальным образом цели, т. е. ее декларацией, и ментальной репрезентацией действий автора позволит определить вероятность претворения угрозы в жизнь. Конечно, сопутствующие целеполаганию переменные — мотивация, образ автора — тоже должны быть учтены. С учетом этого наш исследовательский интерес сосредоточен на отношении между образом угрожающего воздействия и его вербальной репрезентацией. Для этого нами в форме эксперимента изучались внешний (вербальный) и внутренний (ментальный) планы репрезентации угрозы. Внешний план был представлен текстом записки с анонимной угрозой, а внутренний описывался испытуемым при оценке мотива своих действий, планировании действий и оценке образа жертвы. Проверялись следующие предположения:

1. Об отношении вербальной репрезентации угрозы к ментальному образу действий.

2. О существовании связи между вербальной репрезентацией угрозы, ментальным образом действий по ее реализации и образом жертвы.

3. О существовании связи между признаками автора в тексте угрозы и ментальным образом действий.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 45 обучающихся в возрасте от 18 до 22 лет ($M = 21,48$, $SD = 0,85$) института социального образования Уральского государственного педагогического университета, 52 % из них были юноши.

Ход эксперимента и методы. Экспериментальное исследование содержания анонимных текстов с угрозами реализовывалось в форме интервью, с применением специально разработанного для этого экспериментального планшета. Респондент получал задание, которое обдумывал и выполнял вербально.

Суть задания. Участнику сообщалось, что близкий (любимый) человек разорвал все отношения с ним и ушел к другому человеку. Ему предлагалось сформулировать текст анонимной записки и выразить отношение. Действия выполнялись без ограничения времени, в последовательном порядке, с перерывом в 5 минут между ними. Всего предлагалось выполнить угрожающее и рефлексивно-оценочное действия (см. табл. 1). Результаты фиксировались на специально отведенном для этого листе. Переворачивать листы, обращаться к ранее изложенным вопросам участнику запрещалось.

Таблица 1

Ход экспериментальных действий испытуемых

Угрожающие действия	Рефлексивно-оценивающие действия
Написание анонимной записки с угрозой в адрес близкого друга, ставшего причиной разрыва отношений с близким (любящим) человеком	Описание плана действий по реализации угрозы. Оценка образа жертвы

Таблица 2

Вербальные репрезентации угрозы в тексте анонимной записки

Разновидности лексики	Примеры категорий
1. Вероятностная лексика	1.1. Использование 1.1.1.) сослагательного наклонения, 1.1.2) вероятностных конструкций «если... то», «может...»; 1.1.3) условного наклонения глаголов
2. Повелительная лексика	2.1.1) изъявительное; 2.1.2) повелительное наклонение глаголов
3. Репрезентация насилия в лексике	3.1. Детализация насильственных действий: 3.1.1) высокая детализация: подробно и (или) последовательно описываются действия с адресатом; 3.1.2) низкая: действия обозначаются, подробно не описываются. 3.2. Акцентирование насильственных действий, применительно к 3.2.1) жертве, 3.2.2) обстоятельствам, вызвавшим угрозу. 3.3 Направленность действий: 3.3.1) деструктивная: причинить вред жертве, разрушить, разорвать отношения; 3.3.2) реконструктивная: понять причины ситуации, разобраться в случившемся; 3.3.3) конструктивная: найти выход из ситуации, не прибегая к насилию. 3.4. Характеристика насильственных действий: 3.4.1.) сложный, тяжелый, 3.4.2) простой, легкий. 3.5. Скорость насильственных действий: 3.5.1) быстро, 3.5.2) медленно.
4. Образ автора	4.1. <i>Обособление</i> : наличие в тексте указаний на автора, описаний его характеристик, в том числе его чувств, переживаний, сопровождающихся употреблением местоимения «я» 4.2. <i>Воздействие</i> : наличие в тексте указаний на действия автора, описанные с применением местоимений «мне» «мое», «мои» и дополненное глаголом 4.3. <i>Принятие</i> : указание на жертву в тексте, изложение ситуации с позиции адресата с приведением местоимений «ты» и его аналогов, дополненных глаголом действия либо наречием 4.4. <i>Слияние</i> : указание в тексте на сочетание автора и жертвы в местоимениях «мы», «наш», дополненное существительным, метафорически обозначающим проблемы

После сбора планшетов осуществлялся контент-анализ лексики угрожающих действий. Его цель — определение характеристик вербальной репрезентации угрозы автора. При этом мы опирались на показатели, ранее выявленные в ходе анализа работ, посвященных реалистичности анонимной угрозы (см. табл. 2).

Для заполнения таблицы применялись две системы кодирования признаков, в номинативной и относительной шкалах измерения. Номинативная шкала означала, что данные вводились в текстовой форме, относительное значение отражалось в накопительных значениях — частотах встречаемости признака. Наличие признака кодировалось значением «1», в случае нескольких признаков значения суммировались, а если лексический признак отсутствовал, то ставилась цифра «0».

Далее определялся **ментальный образ действий по воплощению угрозы**. Обобщение полученных экспериментальных данных позволило сформировать пять обобщенных ментальных образов действий: 1) причинение физического ущерба жертве (прямая физическая агрессия); 2) причинение материального ущерба жертве (косвен-

ная агрессия); 3) прямое оскорбление и угрозы жертве; 4) неагрессивное общение; 5) бездействие.

Завершающим этапом стало оценивание образа жертвы с помощью семантического дифференциала Ч. Осгуда (в адаптации А. М. Эткинда) [см.: Белянин 2009].

После первичной обработки и заполнения таблицы первичных значений к ней применялись методы математико-статистического анализа: дисперсионного и корреляционного.

Обзор результатов исследования. Изложение результатов структурировано в соответствии с тестируемыми экспериментальными гипотезами.

Гипотеза 1. Вербализированный образ угрозы соответствует ментальному образу действий. Гипотеза в целом получила поддержку при проведении многофакторного дисперсионного анализа (MANOVA). Ментальный образ действия соответствовал характеристикам угрозы в анонимной записке ($F(2, 143) = 6,25, p = 0,016$). Вместе с тем не все вербальные репрезентации, использованные нами, оказали статистически значимое воздействие и поэтому были исключены.

Всего установлено шесть вербальных лексико-грамматических характеристик, воздействующих на переменную образа действий. Лексические показатели: 1) «*слияние*» — указание в тексте на сочетание автора и жертвы в местоимениях «мы», «наш», в том числе дополненное существительным ($F = 2,23$, $p = 0,09$); 2) *акцентирование в тексте угрозы действий, нацеленных на причинение ущерба жертве* ($F = 3,17$, $p = 0,02$); 3) *конкретизация разрушительной цели* ($F = 4,17$, $p = 0,01$), *детальное изложение способа действий* ($F = 3,61$, $p = 0,01$). Грамматические показатели: 4) «*вероятностная лексика*» ($F = 2,14$, $p = 0,01$); 5) «*изъявительное наклонение глаголов*» ($F = 2,49$, $p = 0,06$).

Можно полагать, что эти вербальные характеристики оказывают воздействие на ментальный образ действий и могут быть использованы в качестве вербальных предикторов реализуемости угрозы. Вместе с тем влияние этих переменных было установлено изолированно, без связи друг с другом, и не дает возможности говорить о сочетании, изолированном или ином взаимодействии переменных на ментальные представления угрозы и с достаточной степенью вероятности предсказывать воплощение угрозы. Но в целом эти результаты соответствуют полученным на англоязычной выборке описаниям анонимных текстов с угрозами, а также косвенно подтверждают теоретические представления речевой теории деятельности.

Гипотеза 2. Существует связь между образом вербализированной угрозы, ментальным образом действий и образом жертвы. Методом расчета коэффициентов корреляции Пирсона была установлена связь между анализируемыми показателями. С ментальным образом действий коррелировал показатель семантического дифференциала «*Активность*» ($r = 0,35$, $p = 0,01$), вербализация угрозы представлена показателями «*Детализация насильственных действий*» ($r = -0,42$, $p = 0,01$) и «*Направленность действий*» ($r = -0,39$, $p = 0,01$).

Психологический смысл полученных связей специфичен и, как нам представляется, может находиться под влиянием экспериментальной ситуации. Речь идет о снижении разрушительности действий из-за увеличения представлений об активности жертвы. С одной стороны, активность жертвы действительно способна побудить преступника отказаться от своего замысла (отпор, даный грабителю, повергает его в бегство). С другой стороны, эксперимент носил мысленный характер, и, вероятно, полученная

связь отражает представление участников об их реакции на поведение жертвы. Другие связи, объединившие детализацию насильственных действий и направленность говорящего, не противоречат смыслу показателей. Действительно, представляя себе жертву пассивной, авторы формулировали «*зловещие*» угрозы, давали более развернутое перечисление обстоятельств и операций возмездия.

Гипотеза 3. Ментальный образ действий соотносится с вербализированным образом автора.

Гипотеза не нашла подтверждения. Используемые показатели не обнаружили статистически значимой связи или эффекта влияния лингвистических обозначений автора на образ действий по реализации угрозы. Вместе с тем С. Смит рассматривает упоминание о связях между автором текста и жертвой в качестве предиктора риска воплощения угрозы [Smith 2008]. Так, ей показано, что близость автора и жертвы способствует угрозе. Несоответствие наших результатов видится в специфике экспериментальной ситуации, не предполагающей обращения к конкретным образам, и должно быть подвергнуто самостоятельной проверке.

Рассматривая в целом экспериментальное исследование, отметим влияние дизайна и экспериментальной задачи на полученные результаты. В этой связи поставленные гипотезы и сформулированные выводы нуждаются в опытно-экспериментальной проверке с использованием альтернативного инструментария.

Заключение. В статье представлены результаты исследования параметров вербализированных угроз и ментальных образов действий авторов анонимных текстов по их воплощению. Основной вывод работы в том, что изучение текстов с угрозами под углом речевой деятельности авторов обогащает и расширяет представления о реалистичности и реализуемости угрозы. В ходе проведенного исследования установлено, что а) параметры вербализации угрозы в тексте соотносятся с образом действий (планом) автора по их воплощению; б) активность жертвы в представлении автора угрозы снижает меру детализации угрозы в тексте, а также способствует снижению вербализации агрессии. Вербальный образ автора не оказывает влияния на планируемые действия по реализации угрозы. Продолжение исследований видится необходимым шагом на пути противодействия вербальному насилию в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин В. П. Психоллингвистика : учеб. 6-е изд. — М. : Флинта : Москов. психолого-социальный институт, 2009. 420 с.

2. Злоказов К. В., Софронова А. Ю. К оценке риска воплощения анонимной угрозы // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 98—104.
3. Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психол. 1995. № 1. С. 5—12.
4. Borum R., Fein R., Vossekuil B., Berglund J. Threat assessment: Defining an approach for evaluating risk of targeted violence // Behavioral Sciences & the Law. 1999. № 17. P. 323—337.
5. Dietz P. E., Matthews D. B., Martell D. A., Stewart T. M., Hrouda D. R., Warren J. Threatening and otherwise inappropriate letters to members of the United States Congress // Journ. of Forensic Science, 1991a. № 36 (5). 1445—1468.
6. Dietz P. E., Matthews D. B., Van Duyne C., Martell D. A., Parry C. D., Stewart T., Crowder J. D. Threatening and otherwise inappropriate letters to Hollywood celebrities // Journal of Forensic Sciences. 1991b. № 36. P. 185—209.
7. Fraser B. Threatening revisited // Forensic Linguistics. 1998. № 5 (2). P. 159—173.
8. Gale T. A. Ideologies of Violence: A Corpus and Discourse Analytic Approach to Stance in Threatening Communications : unpubl. doctoral dissertation / Univ. of California. — Davis, USA, 2010.
9. Gollwitzer P. M., Sheeran P. Implementation intentions and goal achievement: A metaanalysis of effects and processes // Advances in Experimental Social Psychology, 2006. № 38. P. 69—119.

K. V. Zlokazov, E. A. Rybyakova, R. I. Stepanov
Ekaterinburg, Russia

ANONYMOUS THREAT AND PLAN OF HER EMBODIMENT: EMPIRICAL RESEARCH OF REPRESENTATIONS OF THE AUTHOR

ABSTRACT. In article the organization, the course and results of a pilot psycholinguistic study of anonymous threat is discussed. The prospects of use of psychological tools for assessment and forecasting of implementation of socially dangerous actions by the author of threat are analyzed. Modern ideas of linguistic and social and behavioural criteria of implementation of threat are described. The author's approach to an empirical research which is based on the domestic theory of activities (A. N. Leontyev), activities self-control (O. A. Konopkin), theories of speech activities (A. A. Leontyev) is formulated. From this line item an anonymous threat is conditionally posed in two plans: verbal (text) and mental (image of activities). The question of the relations between verbal and mental components of threat as a predictor of risk of its embodiment is put.

The matter through a prism of three hypotheses is studied in the planned experimental situation. To its participant the task was set to formulate threat concerning other person in the form of an anonymous note. The anonymous note was exposed to the content analysis. Units content - the analysis were linguistic (lexical and grammatical), and also mental (an image of threat, the plan of implementation of the menacing actions). In addition to the content analysis, with the examinee the interview according to the plan of the actions realizing threat was conducted and also the image of the victim was estimated. This the content analysis, an interview and psychosemantic assessment of an image of the victim were subjected to mathematico-statistical handling by method of the dispersive and correlation analysis. As a result the hypothesis of a ratio of verbal and mental representation of threat got partial empirical support, the hypothesis of influence of an image of the author in the text on representation of threat didn't prove to be true.

Conclusions of work show that linguistic parameters of the verbal embodiment of threat correspond to its mental image in a number of characteristics. Emphasis of destructive actions by the author, a specification of the purpose of actions, the use of pronouns testify the generalizing author and the victim to it in the text of an anonymous note. Grammatical indicators are probabilistic lexicon, an indicative mood of verbs.

KEYWORDS: anonymous letter; threat; psychology of the author; image of the victim; mental image; verbal image; lexical and grammatical signs.

ABOUT THE AUTHOR: Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Rybyakova Ekaterina Alekseevna, Cadet, Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Stepanov Roman Ivanovich, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Psychology of Service and Pedagogy, Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Belyanin V. P. Psikholingvistika : ucheb. 6-e izd. — M. : Flinta : Moskov. psikhologo-sotsial'nyy institut, 2009. 420 s.
2. Zlokazov K. V., Sofronova A. Yu. K otsenke riska voploshcheniya anonimnoy ugrozy // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3 (57). С. 98—104.
3. Konopkin O. A. Psikhicheskaya samoregulyatsiya proizvol'nogo aktivnosti cheloveka (strukturno funktsional'nyy aspekt) // Voprosy psikhol. 1995. № 1. С. 5—12.

10. Logan C., Johnstone L. Personality disorder and violence: Making the link through risk formulation // Journ. of Personality Disorders, 2010. № 24. P. 610—633.
11. Meloy J. R., Hoffmann J., Roshdi K., Glaz-Ocik J., Guldinann A. Warning behaviors and their configurations across various domains of targeted violence // International handbook of threat assessment. — New York, NY : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 39—53.
12. O'Toole M. E. The school shooter: A threat assessment perspective. — Washington, DC : Department of Justice, Federal Bureau of Investigations, 2000.
13. Shuy R. Language crimes: The use and abuse of language evidence in the courtroom. — Cambridge, MA : Blackwell, 1993. 314 p.
14. Smith S. S. From Violent Words to Violent Deeds: Assessing Risk From FBI Threatening Communication Cases // Stalking, threatening, and attacking public figures / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). — New York : Oxford Univ. Pr., 2008. P. 435—455.
15. Sooniste T., Granhag P. A., Strömwall L. A., Vrij A. Discriminating between true and false intent among small cells of suspects // Legal and Criminological Psychology. Advance online publication, 2014.
16. Storey K. The language of threats // Forensic Linguistics. 1995. № 2 (1). P. 74—80.
17. Warren L. J., Ogloff J. R., Mullen P. E. The psychological basis of threatening behavior // Psychiatry, Psychology and Law. 2013. № 20. P. 329—343.

4. Borum R., Fein R., Vossekuil B., Berglund J. Threat assessment: Defining an approach for evaluating risk of targeted violence // Behavioral Sciences & the Law. 1999. № 17. P. 323—337.
5. Dietz P. E., Matthews D. B., Martell D. A., Stewart T. M., Hrouda D. R., Warren J. Threatening and otherwise inappropriate letters to members of the United States Congress // Journ. of Forensic Science, 1991a. № 36 (5). 1445—1468.
6. Dietz P. E., Matthews D. B., Van Duyne C., Martell D. A., Parry C. D., Stewart T., Crowder J. D. Threatening and otherwise

inappropriate letters to Hollywood celebrities // Journal of Forensic Sciences. 1991b. № 36. P. 185—209.

7. Fraser B. Threatening revisited // Forensic Linguistics. 1998. № 5 (2). P. 159—173.

8. Gale T. A. Ideologies of Violence: A Corpus and Discourse Analytic Approach to Stance in Threatening Communications : unpubl. doctoral dissertation / Univ. of California. — Davis, USA, 2010.

9. Gollwitzer P. M., Sheeran P. Implementation intentions and goal achievement: A metaanalysis of effects and processes // Advances in Experimental Social Psychology, 2006. № 38. P. 69—119.

10. Logan C., Johnstone L. Personality disorder and violence: Making the link through risk formulation // Journ. of Personality Disorders, 2010. № 24. P. 610—633.

11. Meloy J. R., Hoffmann J., Roshdi K., Glaz-Ocik J., Guldemann A. Warning behaviors and their configurations across various domains of targeted violence // International handbook of threat assessment. — New York, NY : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 39—53.

12. O'Toole M. E. The school shooter: A threat assessment perspective. — Washington, DC : Department of Justice, Federal Bureau of Investigations, 2000.

13. Shuy R. Language crimes: The use and abuse of language evidence in the courtroom. — Cambridge, MA : Blackwell, 1993. 314 p.

14. Smith S. S. From Violent Words to Violent Deeds: Assessing Risk From FBI Threatening Communication Cases // Stalking, threatening, and attacking public figures / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). — New York : Oxford Univ. Pr., 2008. P. 435—455.

15. Sooniste T., Granhag P. A., Strömwall L. A., Vrij A. Discriminating between true and false intent among small cells of suspects // Legal and Criminological Psychology. Advance online-publication, 2014.

16. Storey K. The language of threats // Forensic Linguistics. 1995. № 2 (1). P. 74—80.

17. Warren L. J., Ogloff J. R., Mullen P. E. The psychological basis of threatening behavior // Psychiatry, Psychology and Law. 2013. № 20. P. 329—343.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.